

Е. Э. ВАСИЛЬЕВА

*Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономических наук БГУ*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ И МАРКСИСТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Выбор, о котором так много говорят современные экономисты, касается в первую очередь их самих как производителей научного продукта. Не секрет, что многие отечественные ученые решительно отказались от марксизма и дружно устремились в русло неоклассических традиций. Однако вскоре некоторые из них начали сомневаться в правильности выбора. Одних смутила абстрактность неоклассических моделей, их оторванность от реальной жизни и реальных людей, напоминающая недавнюю научную фантастику политэкономии социализма. Других не устраивало игнорирование социальной стороны экономических процессов, в том числе собственности, которая в неоклассической теории не подлежит обсуждению. Для третьих, воспитанных в духе коллективизма, оказались неприемлемыми методологические принципы индивидуализма и рациональности. Четвертых испугала необходимость глубокого знания математики для адекватного понимания трудов зарубежных авторов (не говоря уже о возможности самостоятельного применения этих знаний) и т.д.

Таким образом, возникла проблема поиска научной парадигмы, которая устроила бы всех разочаровавшихся как в марксизме, так и в неоклассической теории. В результате выбор пал на институционализм, который многим показался именно той теорией, которая позволяет, преодолевая сомнительные аспекты марксизма и неоклассицизма, использовать их научные достижения. Задача этой статьи – выяснить, оправданы ли такие надежды, не претендуя, однако на провозглашение бесспорных истин. Предполагается обсудить общие черты и различия всех трех названных экономических концепций, а также рассмотреть специфику методологии и некоторых инструментов институционального анализа, в том числе инструментов теории игр.

До относительно недавнего времени об институционализме у нас принято было говорить исключительно в контексте критики немарксистских экономических учений. Хотя обычно вначале читателя информировали о том, что институционализм как течение экономической мысли возник в конце XIX – начале XX века и его родоначальниками принято считать Торстейна Веблена,

Джона Р. Коммонса и Уэсли Митчелла, в дальнейшем содержание их трудов не обсуждалось, а все внимание переключалось на тех ученых, которые имели отношение к теориям “трансформации капитализма”. Несмотря на положительную оценку включения в экономический анализ социального аспекта, в целом представители институционализма характеризовались как буржуазные апологеты. О наличии разногласий внутри самого институционализма, т. е. о различиях между старым институционализмом, неoinституционализмом и новой институциональной экономикой, практически не говорилось. Однако книги некоторых ученых институционального направления (сколь бы различными не казались взгляды и подходы их авторов) – Джона Гэлбрейта, Рональда Коуза, Вальтера Ойкена, Оливера Уильямсона и др. – публиковались на русском языке, и при желании с ними можно было ознакомиться. Тем не менее многие из нас до сих пор узнают о существовании институционализма из учебников по истории экономической мысли, в том числе переводных, где о нем высказываются самые противоречивые мнения. Так, в достаточно известной книге М. Блауга “Экономическая мысль в ретроспективе”, вышедшей в русском переводе в 1994 г., а впервые изданной в 1985 г., институционализму присвоен эпитет “так называемый,” и он фактически отождествляется с экономической социологией¹.

Только недавно стали появляться непредвзятые оценки всего, сделанного институционалистами за последние годы. Например, новым тенденциям в развитии институционализма посвящена большая глава учебника по истории экономических учений под ред. А. Г. Худокормова, изданного в 1998 г.²

Появились первые работы российских авторов, где методология институционализма была применена к анализу местных экономических проблем³. Практически единственной объемной монографией на эту тему пока остается книга А. Шаститко “Неoinституциональная экономическая теория”, вышедшая в 1998 г. Однако в первых номерах журнала “Вопросы экономики” за 1999 г. опубликован авторский курс А. Олейника “Институциональная экономика”, и это позволяет надеяться, что появятся и другие учебники, дающие возможность получить общее представление об институционализме и ознакомиться с его категориями и инструментами анализа. Поэтому можно предположить, что информационный вакуум постепенно заполнится, и каждый составит собственное мнение о достоинствах и недостатках институционализма.

В первую очередь необходимо верное представление о том, чем взгляды институционалистов отличаются от позиций других экономистов, в чем состоят особенности их метода исследования, каков их научный вклад в систему экономических знаний, в том числе в микро-, макро- и международную экономику. При этом важно разграничить те подходы, которые разделяют все институционалисты, и те, которые специфичны для направлений, выделившихся внутри институциональной экономической теории.

Известно, что институционалисты изначально критиковали как ортодоксальную неоклассическую, так и радикальную марксистскую экономическую теорию. Одновременно они брали на вооружение наиболее привлекательные, с их точки зрения, научные положения обеих этих теорий, предлагая и разрабатывая при этом собственные идеи. Со временем внутри институционализма произошло разветвление на несколько самостоятельных направлений. Это было вызвано тремя важнейшими причинами. Во-первых, некоторые институционалисты не желали отказываться от неоклассической теории и видели свой научный вклад лишь в ее дополнении и совершенствовании. Другие же ученые полагали, что институционализм и неоклассическая теория несовместимы. Во-вторых, часть ученых чрезмерно увлеклась критикой марксистской и неоклассической теорий, не предлагая взамен новых идей, в то время как другие пытались сформировать собственные взгляды и трудились над самостоятельными исследованиями. В-третьих, отдельные институционалисты по-разному представляли себе предмет и базовые методологические принципы анализа.

В любом случае все они стремились создать новую систему научных знаний, опирающуюся на широкий круг таких смежных социальных дисциплин, как социология, социальная психология, история, политическая философия и др. Работа в этом направлении требовала большой эрудиции, и не случайно книги наиболее известных институционалистов поражают осведомленностью авторов в самых разнообразных сферах науки и человеческой жизни. В то же время было бы ошибкой отождествлять институционализм с каждой из социальных дисциплин в отдельности или с их совокупностью. Предметом исследования институционалистов была и остается эволюция институтов и организаций, а также регулирование экономики в целом, которое значительно шире традиционно понимаемого макро- и микроэкономического регулирования. Для анализа этих проблем институционалисты обычно используют более широкий круг категорий и экономических параметров, чем это делают экономисты-неоклассики и представители других современных направлений экономической мысли.

Важнейшее различие между институционализмом и неоклассической теорией состоит в трактовке проблемы организации и регулирования экономических процессов. Институционалисты считают, что, во-первых, экономика не идентична рынку, она значительно шире, и, во-вторых, механизмом размещения ресурсов является не рынок в чистом виде, а институты или властные структуры, которые формируются и действуют посредством рынка. Поэтому их интересуют движущие силы эволюции организаций и экономического регулирования, в том числе и рыночные институты и организации, но в тех пределах, в которых рынок влияет на экономику в целом. Следовательно, по сравнению с ортодоксальными неоклассиками и марксистами, институционали-

ты совершенно иначе подходят к пониманию экономики и механизма ее функционирования.

По мнению Уоррена С. Сэмюельса, институционализм не признает существующей рыночной экономики, а также тех ортодоксальных теорий, которые рассматривают уже сложившееся институциональное устройство как данное. Он не признает существующих институциональных форм, для которых необходимым или достаточным условием является рыночная экономическая система⁴.

Институционалисты критиковали ортодоксальную неоклассическую теорию за ее механистический позитивизм, за неадекватные способы моделирования человеческого поведения, за исключение из анализа властных структур и институтов. Они видели ее недостаток в том, что она сосредоточена на поиске абстрактных “оптимальных” решений в рамках нормативного анализа, вместо того, чтобы изучать силы, реально действующие в экономике. С их точки зрения, нельзя механически применять допущения о рациональности индивида, совершенной конкуренции, полноте информации в силу их нереалистичности и возможности идеологизированной трактовки. Критиковалось также традиционное понимание экономической роли правительства. Однако при этом институционалисты стремились не столько критиковать, сколько выдвигать альтернативные идеи. В результате сложился новый научный подход, углубивший знания об экономической жизни на всех ее уровнях.

Марксистская экономическая теория также является ярким примером как источника институционализма, так и объекта его критики. Институционалисты позаимствовали у марксистов представление о важности власти, а также принцип методологического коллективизма, которым должен быть, по их мнению, дополнен методологический индивидуализм. Они, как и марксисты, считают, что экономика и государственное устройство подлежат реформированию и что в экономической теории должны быть учтены интересы масс, в том числе, рабочего класса (но без претензии на гегемонизм). Но в целом преобладает скептическая оценка марксистской экономической теории. Институционалисты не принимают марксистскую концепцию экономического класса, связанную с понятиями надстройки и базиса. Они исходят из институционалистской концепции бесконечной эволюции, по Дарвину, отвергая марксистскую диалектико-материалистическую концепцию экономических преобразований. Особенно негативно воспринимается традиционное для радикальных марксистов преувеличение роли революции по сравнению с реформами в рамках существующей системы, а также их трактовка теории стоимости (ценности) и экономической роли правительства.

Однако и здесь среди институционалистов выявились серьезные разногласия. Одни из них разделяли взгляды Т. Веблена и Кларенса Эйрса, тогда как другие были последователями Коммонса. Эти различия многочисленны и

сложны, но в целом сводятся к подходам к теории стоимости (ценности). Согласно традиции Веблена и Эйрса, источником стоимости является технология и индустриализация в том смысле, что они дают человечеству возможность производить большее количество продукции и что все, способствующее дальнейшему развитию производства, является ценным. С их точки зрения, институты составляют консервативную силу, сдерживающую введение новой технологии и новых организационных систем. Как ни парадоксально, это тот случай, когда институционалисты критикуют те самые институты, значение которых они провозгласили сами⁵.

Последователи Коммонса понимают экономическую деятельность как продукт целого множества факторов и сил, включая технологию и институты. При этом институты рассматриваются как инструмент выбора среди множества технологических альтернатив. Важным аспектом ценности, по их мнению, является выяснение действующих юридических правил и норм морали, которые формируют структуру власти и управляют доступом к ней и ее использованием в тех или иных интересах. С учетом этого, как и многих других аспектов, оба направления институционализма понимают предмет исследования по-разному, но они оба радикально отличаются от неоклассической концепции ценности, которая исходит из относительных цен экономических благ.

Как это часто бывает при разработке гетеродоксальных учений, институционалисты уделяли большое внимание проблемам методологии. Своей первоочередной задачей они считали углубление знаний и понимания, а не выработку точных прогнозов, аргументируя это тем, что прогнозы реального будущего ограничены неопределенностью в отличие от прогнозов на основе абстрактной модели. Они отдавали предпочтение неизбежному смещению индукции и дедукции, отказываясь тем самым от априорной и формальной дедукции как метода исследования. Экономика рассматривается ими как живой и развивающийся организм, а не застывший механизм. Они делают акцент на инструментализме и прагматизме как основах для решения проблем, избегая научной фантастики и риторических вопросов. Они подчеркивают неизбежность нормативных элементов в экономической теории, особенно с учетом ее применения в политике и правительственном экономическом регулировании, и сами применяют нормативный подход в форме Парето-оптимальности. В качестве базового принципа институционалисты используют методологический коллективизм как таковой или в сочетании с преобразованным и лишенным идеологической окраски методологическим индивидуализмом, который в чистом виде полностью отвергают.

Институционализм в целом соглашается со следующими положениями, выработанными в процессе эволюции экономической теории:

- ✓ Рациональность как принцип поведения экономических субъектов на практике ограничена в силу того, что ограничены познавательные спо-

собности индивида.

- ✓ Неоклассический подход к поиску параметров и прогнозированию оптимального решения характеризуется ограниченностью.
- ✓ Необходимо в первую очередь изучать не априорные формальные условия устойчивости равновесия, а процессы регулирования на основе реальных возможностей мышления, с учетом побудительных мотивов к институциональным изменениям.

Все институционалисты, независимо от направления, в качестве движущей силы эволюции и функционирования экономики рассматривают технологию. При этом, согласно подходу Веблена-Эйрса, технология является не просто движущей силой, а императивом. По Коммонсу, технология в меньшей степени диктует какие-либо условия, но не утрачивает своей роли движущей силы. Она не только влияет на эффективность и организацию производства, но и создает множество альтернативных путей организации и управления производством. Поэтому выбор технологии является прерогативой власти, персонифицированной в разнообразных экономических субъектах, пытающихся применить ее в собственных целях.

Институционалисты всех направлений рассматривают экономику как систему власти. Не отрицая возможности взаимовыгодной кооперации и согласования интересов, они подчеркивали неизбежность конфликтов при реализации власти. В частности, обращалось внимание на то, что именно властная структура, наделенная юридическими правами, действует в интересах конкретных социальных групп. При этом считается, что установление прав собственности, с их последующим перераспределением способствует достижению парето-оптимальных решений. Однако попытки искать единственное оптимальное решение проблем неизбежно вызовут реакцию тех субъектов, чьи интересы прежде учитывались. Институционализм в целом не отрицает необходимости поиска оптимальных решений, но допускает в отличие от неоклассической теории существование нескольких точек равновесия или полное их отсутствие. При этом наряду с анализом гипотетических условий равновесия исследуются процессы, обеспечивающие реальное достижение оптимального результата.

Как уже упоминалось, центральная проблема институционального анализа – это организация и контроль экономики, или, иначе говоря, формирование и реформирование ее властной структуры. В контексте власти были исследованы такие институты, как юридические права, собственность, контракты, корпорации. При этом в понятие “власть” включается, наряду со многими другими компонентами, также и контроль фирм над ценами. Таким образом, власть трактуется как степень участия в экономическом регулировании, в размещении ресурсов и доходов в соответствии с определенными интересами. Экономика рассматривается не как нейтральный механизм, а как процесс

принятия решений, в котором отдельные экономические субъекты и их группы способны умышленно вводить друг друга в заблуждение относительно своего положения и результатов деятельности. Экономика – это институты, которые формируют рынок, посредством которых рынок функционирует и от которых зависят его результаты. Поэтому рынок является объектом действия организующих и контролирующих сил. Это происходит преимущественно путем реформирования старых и создания новых институтов, что составляет суть реализации власти. Следовательно власть неизбежна и действительно важна для экономической системы. Следовательно, необходим анализ не воображаемых рынков, а реально происходящих процессов, в которых серьезную роль играют институты. В связи с этим институционализм можно рассматривать одновременно как теорию общественного контроля и теорию общественных изменений. В обоих случаях речь идет об анализе институционального регулирования и функционирования институтов как форм контроля и источников изменений.

Предметом многих исследований в рамках институционализма являются частная собственность, корпорации и корпоративная система, а также правительство. Результаты этого анализа позволяют утверждать, что оптимальным решением является именно властная структура. При этом особый акцент делается на том, что этот важный аспект обычно полностью игнорируется неоклассической теорией. В то же время институциональный анализ власти, ее структуры и методов принуждения предполагает отвлечение от технических условий оптимальности. Например, основываясь на реальных фактах, можно избежать методологической ловушки, которая заключается в рассмотрении прав собственности и других прав как данных, экзогенных для экономики или определяемых гипотетической оптимальностью с позиции подхода “издержки-выигрыш”.

Центральный микроэкономический тезис институциональной экономики состоит в том, что размещение ресурсов зависит не от рынка, а от властной структуры, которая его создает и обеспечивает функционирование. С этим тезисом полностью согласны все институционалисты, несмотря на разногласия по другим вопросам. Они допускают, что размещение ресурсов можно рассматривать в контексте рыночных сил спроса и предложения, но доказывают, что спрос и предложение сами зависят от иерархии власти, которая, в свою очередь, зависит от целей и интересов правящей верхушки. В итоге речь идет о спросе на контроль со стороны правительства и использовании его в собственных интересах.

Точно так же распределение дохода обеспечивает не безликий рынок, а власть в лице институтов, которые формируют рынок и действуют с его помощью. Поэтому в равной степени верно то, что распределение зависит от власти, и то, что власть зависит от распределения.

В результате институционализм предложил новые подходы к изучению таких известных явлений, как привычки, обычаи и соперничество, формирующие интересы и предпочтения индивидов, которые необходимо учитывать в процессе управления их поведением. При этом изучаются силы, участвующие в формировании властных структур, которые управляют поведением субъектов, исходя из знания их предпочтений и интересов.

Если в неоклассической трактовке рыночная власть означает способность влиять на цены, то здесь власть формирует не цены, а совокупность ценообразующих факторов. Аналогичным образом, определение ценности товара — это не продукт рыночных сил, а результат функционирования экономики в целом, которая не сводится исключительно к рынку. Ценность выражается не только через множества альтернативных возможностей, как и в неоклассической теории цен, но и через динамику иерархии власти и предоставление властью разнообразных альтернатив. Поэтому размещение ресурсов зависит и от рынка, и от власти как источника всей системы организации и контроля в экономике. Кроме того, концепция ценности распространяется как на товары и факторы производства, так на действующие юридические и моральные нормы, которые определяют степень участия индивидов в экономике и степень свободы их действий. Таким образом, институциональная концепция ценности предполагает переход от цены к социальной ценности, которая рассматривается как обязательный элемент экономики, влияющий на ее функционирование, в том числе и путем воздействия на цену товара.

Институционалисты подробно исследовали то, что они считали важнейшим достижением западной экономической системы за последние сто лет, т. е. корпоративную систему и связанное с ней централизованное частное или смешанное (частно-общественное) планирование⁶. В этой системе цены регулируются и устанавливаются фирмами, использующими разнообразные методики ценообразования. Институционалисты делят экономику на олигополистический центр и относительно конкурентную периферию, при этом фирмы-олигополисты формируют цены, а не принимают их как данные.

Таким образом, с точки зрения институционализма, необходимо изучение рынков товаров и ресурсов в контексте власти. Как и любая другая фирма, корпорация тоже является феноменом власти. Поэтому важно понять, что означает максимизация прибыли для корпорации, принимающей властные решения.

Институциональная макроэкономика частично базируется на выводах микроэкономики и тем самым напоминает посткейнсианскую макроэкономику. Здесь функционирование национальной экономики тоже ставится в зависимость от власти. Институционализм исходит из того, что реальный ценовой механизм далек от “прозрачного рынка” Вальраса. Для выяснения влияния ценообразования на функционирование экономики на макроуровне из

институциональной микроэкономики заимствуется деление экономики на олигополистический центр и конкурентную периферию. Предполагается, что на функционирование экономики на макроуровне влияет распределение дохода и уровня благосостояния и что борьба субъектов за свою долю порождает как инфляцию, так и стагфляцию. Институционалисты доказывают, что функционирование на макроуровне рынков труда отражает, во-первых, их структурные или сегментные характеристики, и, во-вторых, то, что спрос на труд (а значит, занятость и безработица) в значительно большей степени зависит от конечного выпуска (и эффективного спроса на него), чем от относительных цен на труд, хотя они не отрицают, что цены на труд могут устанавливаться на рынке. Кроме того, выясняется, что успех стабилизационной макроэкономической политики правительства во многом зависит не от полной занятости и неизменности цен, а от системы корпоративного внутрифирменного планирования

Следуя традиции Митчелла, институциональная макроэкономическая теория акцентировала внимание на монетарной стороне экономики. Согласно Кейнсу, Минсу, Эйхнеру, Гэлбрейту и др., отмечалась зависимость функционирования экономики на макроуровне как от поведенческих факторов, так и от иерархии власти. Многие институционалисты, вслед за Гэлбрейтом, рассматривали существующую экономическую систему как единый объект для микро- и макроэкономического планирования и говорили о необходимости формирования более совершенной системы планирования. Другие же ученые, разделявшие взгляды У. Адамса и У. Мюллера, в некоторой степени соглашались с такими выводами, но не принимали предлагавшихся методов, требуя вместо эффективного использования антитрестовской политики замены корпоративной системы “правильной” рыночной экономикой⁷.

Институциональная экономика также имеет ряд достижений в области более узких, специализированных разделов экономической теории. Здесь были предприняты эмпирические исследования для выяснения того, как действуют экономические субъекты на практике с учетом властных и поведенческих аспектов. Включение в сферу анализа власти предполагает учет структур и психологических факторов, которые воздействуют на интересы, предпочтения и образ жизни индивидов.

Например, при изучении международных экономических операций учитывается такой их институциональный аспект как формирование международной власти, предполагающей введение совокупности правил, регулирующих внутренние и внешние сделки, и международных институтов, регулирующих движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы между странами. Институционалисты также исследовали политический и экономический империализм как исторический компонент международных отношений. Они подчеркивали, что как отечественные, так и международные “свободные рынки” за-

висят от формирующей их институциональной среды.

Институциональная экономика труда, начиная с Коммонса и его последователей, сосредоточена на изучении действий участников рынка труда с целью формирования рынка в соответствии с собственными интересами (в частности, с использованием института общественного мнения). Центральное место в исследованиях такого рода занимали проблемы взаимного принуждения работников и работодателей, в том числе с помощью коллективных договоров при участии профсоюзов. Методологически важным здесь является разграничение выбора *из совокупности* альтернативных возможностей и выбором *самой* совокупности. В то время как теория человеческого капитала сосредоточена на оптимизации благосостояния отдельного индивида, институциональная экономика труда исследует силы и факторы, определяющие в конечном счете, кто займет альтернативные рабочие места. К таким силам относятся корпоративная система и правительственная политика занятости. Благодаря этому в анализ включается аспект власти.

В области проблем экономического развития институциональная экономика пришла к важному выводу о сдерживающей роли социальной структуры в процессах обновления. Прогресс ограничивается прямо, путем контроля правительства и других экономических институтов, или косвенно, через противодействие традиций и обычаев. Например, рациональность крестьянина можно объяснить его традиционными и религиозными установками.

С точки зрения институционализма, важной частью экономической системы является государство, без которого она просто не смогла бы существовать. Правительство определяет основные экономические институты, от которых зависит характер экономической системы. В первую очередь – это система прав, определяющая иерархию экономической власти, а также направления экономического использования природных ресурсов.

Институциональная экономика рассматривает государство как важнейшую форму коллективных действий. В основе этого тезиса лежат реалистические и достаточно деидеологизированные концепции социального контроля и социальных изменений. Государство включается в социально-экономическую структуру власти в качестве зависимой или независимой переменной. Экономика является объектом правового контроля, а государство служит средством достижения экономических целей. Содержание правительственной политики во многом сводится к формированию прав в экономическом смысле, например, прав собственности, которые порождают конкретную властную структуру и служат источником возникновения рынка. Поэтому экономика хотя бы частично, но создается государством. Серьезной социальной проблемой является обман правительства властными структурами, в том числе с помощью идеологических спекуляций.

На практике важно не то, существует или нет государство, а то, чьи инте-

ресы оно будет выражать. Вмешательство государства в экономику заключается в законодательном изменении юридических норм. Государство является как формой существования верховной номинальной власти, так и формой контроля над ней в интересах тех, кто власти лишен. Аналогичным образом, корпоративная система представляет собой симбиоз интересов и убеждений частных субъектов и общественных должностных лиц. Поэтому, с институциональной точки зрения, как экономика, так и государство возникают одинаковым путем.

Итак, современный институционализм представляет собой научный подход, позволивший сформировать целостную систему знаний и расширить представления о поведении экономических субъектов, вводя в анализ ранее игнорируемые факторы. Институционалистам отчасти удалось преодолеть ограниченность неоклассической и марксистской экономических теорий, хотя говорить о завершении работы еще слишком рано. При этом нельзя забывать о разногласиях внутри институционализма, которые окончательно оформились в его разделении на неoinституционализм, с его ориентацией на неоклассическую методологию, и новую институциональную экономику, которая ставит перед собой задачу изучения реальной экономической жизни во всем ее разнообразии и с учетом всевозможных социальных, политических, психологических, нравственных, исторических и других аспектов. Однако здесь важно воздержаться от поспешных выводов, учитывая, что многие ученые, которых классифицировали как неoinституционалистов, сами себя таковыми не считают. Ярким примером является Рональд Коуз, признанный корифей новой институциональной экономики, которого часто продолжают относить к неoinституционалистам.

Говоря о методологии институционального анализа, следует иметь в виду, что наряду с вербальным изложением своих идей его сторонники активно используют экономико-математические методы и, в первую очередь, инструменты теории игр. Поскольку подробное ознакомление с основными положениями теории игр не входит в задачи этой статьи, остановимся лишь на моментах, важных для оценки научных достижений институционалистов, обусловленных использованием инструментов теории игр для анализа экономики.

Многие из элементов теории игр уже хорошо известны отечественным экономистам, особенно молодым, которые изучали в курсе микроэкономики теорию олигополии, которая исключительно удачно интерпретируется с помощью теории игр. Однако у экономистов старшего поколения теория игр ассоциируется с чем-то, имеющим отношение к шахматам, покеру или лото. Отчасти они правы, поскольку инструментарий теории игр позволяет охватить разнообразнейшие ситуации, встречающиеся в жизни индивидов и общества в целом. Общим для всех этих ситуаций является то, что каждый индивид действует в расчете на выигрыш, и его успех зависит от ответных шагов других

индивидов, стремящихся достигнуть той же цели. Поэтому его поведение требует тщательного планирования собственных игровых шагов и должно строиться с учетом всех возможных действий соперников или партнеров. Это и составляет суть стратегического поведения, которое является предметом изучения теории игр.

Принято считать, что основоположниками теории игр являются Джон фон Нейман и Оскар Моргенштерн. Их взгляды были изложены в книге “Теория игр и экономическое поведение” (The Theory of Games and Economic Behaviour), впервые изданной в 1944 г. и переизданной в 1947 и 1953 гг., хотя некоторые идеи высказывались Нейманом еще в 1928 г. Эта книга произвела революцию в экономическом мышлении, предоставив доказательства, что теория игр является полезным инструментом объяснения экономического поведения.

Ее авторы определили игру как любое взаимодействие между субъектами, которое регулируется системой правил, определяющих возможные ходы каждого участника, и предполагает систему выигрышей для каждой возможной комбинации ходов. Трудно найти пример социального феномена, который не подходил бы под это определение. Экономическая жизнь также полна подобных ситуаций: олигополистические рынки, международная торговая политика, проблемы заключения сделок, международные последствия макроэкономической политики, отношения между правительствами и частными субъектами и т.д.

Вклад теории игр в развитие экономической мысли состоит в том, что она выявляет пределы отдельных форм индивидуализма, а значит, обнаруживает пределы (ограничения) “рационального выбора” и неоклассического экономического подхода.

Тремя основными допущениями теории игр являются: 1) все субъекты рациональны; 2) они имеют общие знания об этой рациональности; 3) они знают правила игры. Рациональность означает, что индивиды выбирают те действия, которые позволят наилучшим образом реализовать их предпочтения. Допущение о рациональности воплощается в предположении, что действия субъекта направлены на максимизацию полезности (в виде кардиналистской, ординалистской или ожидаемой полезности).

На действия индивида, ведущего себя рационально, влияют его ожидания относительно поведения других индивидов. Таким образом, для анализа игры важны мнения рациональных субъектов о поведении друг друга. Можно, конечно, предположить, что партнеры по игре умственно недоразвиты или любят совершать импульсивные поступки, но в реальной жизни такого, как правило, не бывает. В большинстве случаев все игроки ведут себя рационально, и именно это определяет их ожидания относительно друг друга. Общее знание о рациональности означает: “Я знаю, что ты рационален, ты знаешь, что я

рационален; я знаю, что ты знаешь, что я рационален; ты знаешь, что я знаю, что я рационален и т.д.”. Формально это можно выразить как:

- (а) каждый индивид является рациональным;
- (б) каждый индивид знает об (а);
- (в) каждый индивид знает о (б) и так до бесконечности⁸.

Обычно теория игр ограничивается допущением о существовании общего знания о рациональности. Однако ее применение для исследования экономики требует точного прогноза поведения игрока. Поэтому вводится допущение о том, что все индивиды последовательны в своем поведении. Это означает, что если индивид и его соперник мыслят рационально, то от них следует ожидать рационального поведения. Когда два рациональных индивида имеют одинаковую информацию, они *должны* получить одинаковые результаты независимо друг от друга.

Относительно правил игры делается два предположения: 1) индивиды знают эти правила, т.е. знают все возможные действия и их комбинации для получения конкретных выигрышей, и 2) мотивы выбора индивидами определенных действий не зависят от правил игры.

Теория игр не одинока, говоря о правилах игры, поскольку в реальной жизни люди часто ограничены в своих действиях. Например, известно, что правовые нормы и правила поведения ограничивают возможности совершения определенных действий. Теория игр проводит различие между действиями и их последовательностью, обусловленной правилами игры. Действия не могут быть предприняты без определяющих их правил, но в равной степени правила невозможно понять, если не предпринимать действий.

Некоторые ученые, особенно те, кто разделяет принцип индивидуализма, подчеркивают активность позиции индивида в процессе игры. Индивиды действуют сознательно, исходя из понимания собственных интересов, и при этом результаты во многом зависят от них самих. Большинство же традиционных подходов имеет дело с более пассивными субъектами, успех которых часто зависит от множества социальных факторов.

Возникает вопрос, как создаются правила игры? Согласно принципу индивидуализма, они строятся с учетом прежнего опыта, когда поступки индивидов противоречили чужим интересам, а значит, нуждались в ограничениях. В обществе и в экономике правила игры принимают форму институтов. Некоторые из институтов возникают спонтанно в виде обычаев и традиций, которые управляют поведением субъектов при повторяющихся взаимодействиях. Наиболее знаменитый пример подобного пути возникновения институтов представлен в “Левиафане” английского философа Томаса Гоббса. Индивиды, боясь друг друга, заключают соглашение в форме государства. Они должны согласиться с абсолютной властью монарха, потому что он способен обеспечить выполнение соглашения силовыми методами и делает тем самым су-

ществование каждого индивида более безопасным.

Следовательно, важно иметь в виду, что правила игры (а значит, институты) могут не только ограничивать действия, но и создавать возможность их осуществления. Теория игр позволяет трезво оценить достоинства и недостатки методологического индивидуализма. С одной стороны, она предполагает анализ социального взаимодействия между индивидами с учетом их предпочтений и мотивов поведения. В итоге она доказывает, что стремление рациональных субъектов к достижению собственных целей будет способствовать появлению и совершенствованию правил игры. Однако поведение людей объясняется не только их предпочтениями, ограничениями, и способностью к максимизации полезности. Известны также элементы коллективизма, которые неизбежно возникают при взаимодействиях людей. Именно теория игр выявляет границы методологического индивидуализма и требует его дополнения методологическим коллективизмом. Этому способствует анализ кооперативных (неантагонистических) и некооперативных (антагонистических) игр, который позволяет утверждать, что рано или поздно люди приходят к осознанию необходимости коллективных действий.

История возникновения многих институтов свидетельствует, что они были созданы одной группой людей, а впоследствии навязаны другим группам. С позиции индивидуализма, достаточно разобраться в причине действий одних индивидов против других. Теория либерального индивидуализма поднимается на ступеньку выше и пытается сделать вывод о законности отдельных институтов. С этой точки зрения, институты являются законными лишь настолько, насколько все управляемые ими индивиды будут согласны с их существованием. Естественно, возникает вопрос, каким образом было получено “соглашение”, потому что люди в безнадежных ситуациях будут соглашаться даже с тем, что сделает их положение еще более безнадежным. Теория игр может добавить два важных аргумента в дискуссию о либеральном индивидуализме, которые касаются выяснения согласия или несогласия индивида.

Во-первых, теория игр позволяет представить модель индивидуального поведения, которую традиционно использовала экономическая теория как игру, заключающуюся в переговорах между заинтересованными сторонами, а исходом игры считать “соглашение”.

Во-вторых, теория игр помогает понять роль государства или, более обобщенно, любого института, обеспечивающего коллективность действий (общественное здравоохранение, институты системы образования и др.). Роберт Нозик (Robert Nozick, 1974) считал, что условия “соглашения” соблюдаются в результате добровольного обмена между индивидами. В этом случае не нужны крупномасштабные переговоры с участием всего общества. Это положение нашло поддержку у представителей австрийской экономической школы, особенно у Фридриха фон Хайека, когда они доказывали, что выигрыши от

создания институтов могут быть получены “спонтанно”, благодаря обычаям, которые возникают в процессе повторяющихся взаимодействий между людьми. Теория игр исследует это утверждение путем анализа повторяющихся игр.

Несмотря на свою плодотворность с точки зрения расширения возможностей экономического анализа, теория игр длительное время игнорировалась. Лишь недавно она была открыта заново и завоевала прочные позиции в экономической теории. Благодаря использованию теории игр достигнуты значительные успехи в анализе отраслевой организации, теории международной торговли, монетарной политике, экономике общественного сектора. Почему же экономисты смогли по достоинству оценить возможности теории игр лишь к концу 70-х гг.? Точный ответ на этот вопрос – задача будущих историков экономической мысли. Сейчас можно лишь высказать отдельные предположения.

Во-первых, после второй мировой войны парадигма совершенной конкуренции уже нуждалась в дополнении или пересмотре, что нашло отражение в работах по теории общего равновесия, теории международной торговли, теории роста и др. Во-вторых, долгое время отсутствовало адекватное понимание таких основополагающих концепций, как равновесие, по Курно-Нэшу. Кроме того, в самой теории игр делался чрезмерный акцент на проблемы чисто технического характера, подобные играм с нулевой суммой, которые относительно неинтересны для экономистов. В-третьих, экономистов неоклассического направления не устраивала множественность подходов и концепций равновесия, разрабатываемых в рамках теории игр. В-четвертых, только после разработки техники динамических игр, а также расширения и обновления концепции равновесия стало возможным описание в категориях теории игр многих сложных экономических проблем. Кроме того, многие экономические проблемы обусловлены информационной асимметрией в стратегическом поведении, которая лишь недавно попала в поле зрения ученых и нашла отражение в играх с несовершенной и неполной информацией.

Одним из последних достижений теории игр является анализ двухуровневых игр, активно разрабатываемый с конца 80-х – начала 90-х гг. Суть такой игры заключается в том, что один из игроков одновременно участвует в двух разных играх, что требует от него координации своих действий в зависимости от поставленных целей. Впервые этот термин был применен при исследовании поведения политиков на саммите Большой семерки. Традиционные модели международных экономических отношений рассматривают правительство страны как унитарного субъекта, который действует исключительно в интересах населения своей страны. Здесь же выяснилось, что правительство одновременно участвует по крайней мере в двух играх. На первом уровне ведутся международные переговоры с правительствами зарубежных стран, а на втором – происходит игра с населением собственной страны. При этом выясняет-

ся, что принимаемые правительством решения могут быть рациональными на одном уровне и нерациональными – на другом⁹.

Очевидно, что использование инструментария теории игр может быть исключительно плодотворным при анализе разнообразных экономических проблем. Однако это требует определенных навыков и овладения соответствующим математическим аппаратом. Обычно исследование сводится к серии экспериментов, в рамках которых разыгрывается конкретная ситуация, например, “дилемма заключенных” или представительная демократия. Результаты обобщаются в матрицах, таблицах и диаграммах, а также описываются с помощью методов теории вероятностей и математической статистики. Вместе с тем существуют упрощенные способы подачи полученных результатов, например в виде “дерева игры”, которые представляют собой наглядное изображение всех возможных стратегий, ходов и выигрышей игроков. Традиционные матрицы выигрышей также достаточно просты для восприятия, поскольку не требуют большего, чем знание четырех арифметических действий. Однако аргументированная критика оппонентов в лице представителей неоклассической теории и других современных школ экономической мысли возможна лишь при условии столь же умелого владения их главным оружием – виртуозным использованием математического аппарата.

Можно предположить, что институционализм будет находить все новых и новых сторонников среди отечественных экономистов. Поле деятельности широко и практически не возделано, в то время как многие проблемы остаются нерешенными. По мнению Дугласа Норта, именно Центральная и Восточная Европа сейчас дают богатейший материал для анализа и выработки на его основе результативных практических шагов. Многие ошибки нашего недавнего прошлого и печального настоящего объясняются недостаточным пониманием роли институтов в экономических преобразованиях.

Литература

- ¹ См.: М. Блауг. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 656-659
- ² История экономических учений: Современный этап / Под ред А. Г. Худокормова. М, 1998.
- ³ Р. Нуреев. Институционализм: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы экономики, 1999. №1. С. 131.
- ⁴ Warren J. Samuels. Institutional Economics – Companion to Contemporary Economic Thought / Ed. by D. Greenavay, M. Bleaney, Jan Stewart. London; New York, 1991. P. 105.
- ⁵ Ibid. P. 107.
- ⁶ Samuels, W. and Tool, M. (eds) State, Society and Corporate Power. New Brunswick: NJ, 1989. P. 87.
- ⁷ Peterson, W. Macroeconomic theory and policy in an institutionalist perspective // Journal of Economic Issues №21. P. 1587–621.
- ⁸ Shaun P. Hargreaves Heap and Yanis Varoufakis. Game Theory: A Critical Introduction. New York; London, 1995. P. 24

- ⁹ Montet Christian. Game Theory and Strategic Behaviour: – Companion to Contemporary Economic Thought / Ed. by D. Greenaway, M. Bleaney, Jan Stewart. London; New York, 1991. P. 355.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА	3
Дуглас С. НОРТ	
ПЯТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ИНТЕРВЬЮ С РОНАЛЬДОМ КОУЗОМ на учредительной конференции Международного общества новой институциональной экономики в Сент Луисе, 17 сентября 1997 г.	18
Кен ЧАРМАН	
ОБЪЯСНЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК МЕЖДУНАРОДНЫХ СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ЭКЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	32
Марек КАЦИНСКИ	
РЕФОРМА СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	59
Павел ДАНЕЙКО	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	69
В. Н. УСОСКИЙ	
ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ НА ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНЗИТИВНОГО РЫНКА В ЭКОНОМИКЕ БЕЛАРУСИ	84
И. В. ПЕЛИПАСЬ	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА ИЛИ РЕГУЛИРУЕМЫЙ РЫНОК?	105
А. С. ЧУБРИК	
ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ1	125
Ярослав РОМАНЧУК	
МИФЫ И ФАКТЫ О КОНЦЕПЦИИ МОНОПОЛИИ	146
Е. Э. ВАСИЛЬЕВА	
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ И МАРКСИСТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	166